

Призрак мадам Кроул



Это сейчас я уже стара, а в ту ночь, когда я отправилась в Эпплуэйл-холл, мне было всего тринадцать. Моя тетьа работала там эконошкой. В Лексхо меня ожидало некое подобие кареты, запряженное всего одной лошадьо: этот нехитрый транспорт должен был доставить меня вместе с моим сундучком к месту назначения.

Я и так была немного напугана, а когда увидела этот странный экипаж, то и вовсе захотела обратно, домой — к матери в Хейзелден. Я плакала, усаживаясь в шэй¹ — так мы называли эти повозки, — и Джон Малбери, добродушный старик-кучер, купил в «Золотом льве» несколько яблок, чтобы немного подбодрить меня. А еще он сказал, что у тети в ее большом доме меня ждут смородиновый пирог, чай и свиные отбивные — все горячее и вкусное. Была прекрасная лунная ночь, и я грызла яблоки, глядя в окно шэя.

¹ Одноконный шэй — открытое двухколесное транспортное средство, американская адаптация французского фаэтона. Его похожий на кресло кузов, в котором пассажиры сидели на одном сиденье над осью, подвешивался на паре пружин, прикрепленных к оглоблям (*здесь и далее прим. ред.*).



Как не стыдно было джентльменам-попутчикам пугать бедное глупое дитя, каким я была в ту пору! Возможно, от скуки они просто хотели надо мной посмеяться. Их было двое: они начали расспрашивать меня, куда направляюсь. Ну, я и сказала им, что иду в услужение к даме Арабелле Кроул из Эпплуэйл-холла, недалеко от Лексхо.

— Хо! Думаю, надолго ты там не задержишься! — заявил один из них.

Я посмотрела на него в изумлении, как бы говоря взглядом: «С чего бы это?». Однако раз уж с умным видом вязалась в разговор, надо было его поддерживать.

— Если тебе дорога жизнь, никому ничего не говори, а внимательно наблюдай за леди Кроул. Ты сама убедишься — она одержима дьяволом и больше чем наполовину призрак, — поведал мне все тот же джентльмен. — У тебя есть Библия?

— Да, сэр, — ответила я. Мама и правда положила мне в саквояж маленькую Библию. Эта Библия до сих пор хранится у меня в шкафу, хотя шрифт теперь слишком мелкий для моих старых глаз.

Мне показалось, что собеседник подмигнул своему другу, хотя в этом я не уверена.

— Тогда не забывай каждую ночь класть ее под подушку: это уберезет тебя от когтей старой ведьмы, — предупредил он.

Как же меня напугали его слова, вы не представляете! Мне очень хотелось расспросить его о пожилой леди, но я была слишком застенчива, поэтому промолчала, и мои попутчики заговорили о своих делах. А затем мы проехали Лексхо и направились к особняку. Все внутри у меня словно оборвалось, когда экипаж выехал на темную аллею. Вокруг росли огромные, почти такие же старые, как и дом, деревья. Толстые стволы некоторых из них едва обхватили бы, раскинув руки и соприкасаясь кончиками пальцев, четыре человека.



Я высунулась в окно и вытянула шею, пытаюсь скорее увидеть дом — и внезапно мы остановились прямо возле него.

Передо мной возвышалось массивное здание с громадными черными поперечными балками и белыми, как простыни, фронтонами, ярко освещенными луной. Тени от деревьев падали на фасад — такие четкие, что можно было сосчитать листья. В окнах главного зала мерцало множество маленьких ромбовидных стекол. Тяжелые ставни по старинке крепились на петлях к стене снаружи и закрывали все остальные окна на фронтоне. В особняке проживали всего трое или четверо слуг и одна старая леди, поэтому бóльшая часть комнат пустовала.

От осознания того, что мое путешествие подошло к концу и я стою перед мрачным домом леди, которой я никогда не видела (впрочем, как и своей тетки), но уже заранее боюсь, мое сердце заныло.

В холле тетя поцеловала меня и провела в свою комнату. Этой высокой и худой женщине с бледным лицом и темными глазами было за пятьдесят. Ее длинные тонкие руки были обтянуты черными митенками. Говорила тетушка мало — однако каждое ее слово звучало как закон. У меня нет причин жаловаться на нее, несмотря на ее суровость. Но, думаю, тетя отнеслась бы добрее ко мне, будь я ребенком ее сестры, а не брата.

Сквайр — внук госпожи Кроул, мистер Шевеникс Кроул — обычно два-три раза в год приезжал в особняк убедиться, что за старой леди хорошо ухаживают. За все время, проведенное в Эпплуэйл-холле, я видела его всего дважды.

Не могу сказать, что о мадам старательно заботились только для того, чтобы угодить сквайру. На самом деле у моей тети и у горничной Мэг Уиверн просто имелась совесть, и они честно выполняли свой долг.



Мэг Уиверн — это моя тетя называла ее так, я же обращалась к ней «миссис Уиверн» — была полной веселой женщиной лет пятидесяти, высокого роста и широкой в плечах. Она всегда пребывала в приподнятом настроении и по дому передвигалась не спеша. Уиверн платили хорошее жалование, но в силу некоторой скупости она держала свою парадную одежду под замком, а носила одно и то же добротное хлопчатобумажное платье шоколадного цвета с узором в виде красных, желтых и зеленых веточек и горошин, и сносить этому платью не было.

За все время, что я жила там, добродушная Мэг ни разу не сказала мне грубого слова и часто смеялась, а еще без конца болтала за чаем. Каждый раз, когда я скучала или грустила, ее смех и болтовня поднимали мне настроение. И, пожалуй, она нравилась мне больше, чем тетя — детей ведь так легко увлечь весельем или интересными историями. И хотя тетя была очень добра ко мне, в некоторых вещах она вела себя жестко, а кроме того, всегда оставалась молчаливой.

Итак, тетя отвела меня в свою спальню, чтобы я немного отдохнула, пока она накрывает стол для чаепития в соседней комнате. Прежде чем уйти, она похлопала меня по плечу, заметив, что я высокая для своих лет и выгляжу достаточно взрослой, и спросила, могу ли я шить и выполнять простую работу по дому. Потом посмотрела на мое лицо и отметила сходство с моим давно умершим отцом, ее братом, после чего выразила надежду, что я окажусь более достойной христианкой, чем он.

Мне подумалось тогда, что тетушка только-только привела меня в дом, а уже подозревает меня бог весть в чем.

Некоторое время спустя я вошла в соседнюю комнату, предназначенную для экономки — очень уютную, обитую дубовыми панелями. Там ярко пылал камин, который топили углем, торфом и дровами, сваленными в одну кучу. На столе



уже ждали чай, горячий пирог и дымящееся мясо. Меня встретила веселая толстушка миссис Уиверн, способная за час сказать больше слов, чем моя тетя за год.

Пока я пила чай, тетя поднялась наверх, чтобы проведать мадам Кроул.

— Пошла проверить, не заснула ли там старая Джудит Скуэйлс, — сообщила мне миссис Уиверн. — Джудит сидит с мадам Кроул, когда я и миссис Шаттерс, — так звали мою тетю, — отлучаемся. Наша хозяйка — очень беспокойная старуха. С ней всегда надо быть начеку, иначе она или в камин сунется, или из окна вывалится. Хоть и старая, а на месте ей не сидится.

— Сколько ей лет, мэм? — спросила я.

— Восемь месяцев назад ей исполнилось девяносто три, — ответила Мэг и засмеялась. — Но запомни: не задавай вопросов о ней в присутствии своей тети, поняла? Просто принимай хозяйку такой, какой увидишь, и все.

— А скажите, пожалуйста, мэм, какими будут мои обязанности? — продолжила я расспросы.

— Со старой леди? Ну, тебе об этом расскажет твоя тетя, миссис Шаттерс. Но я полагаю, тебе придется сидеть с хозяйкой в комнате и следить, чтобы она не чудила. Пусть забавляется с предметами у нее на столе. А еще надо будет приносить еду или питье, когда она попросит, удерживать от глупостей и громко звонить в колокольчик, если не сможешь сама с ней справиться.

— Она глухая, мэм?

— Нет, она не глухая и не слепая. У нее поразительно острые зрение и слух, но она совсем потеряла разум и ничего толком не помнит. Для нее Джек — Покоритель великанов или Гуди — Два башмака так же реальны, как королевский двор или государственные дела.

— А почему уволилась та девочка, мэм, которая уехала в прошлую пятницу? Тетя написала моей матери, что ее рассчитали.



— Да, она уехала.

— Почему? — повторила я свой вопрос.

— Полагаю, она не сказала этого миссис Шаттерс. А я тоже не знаю. Не болтай лишнего, твоя тетя терпеть не может говорливых детей.

— Пожалуйста, мэ, еще один вопрос: пожилая леди здорова?

— Ну, в этом вопросе нет ничего плохого. В последнее время она немного приболела, но на прошлой неделе ей стало лучше, и я осмелюсь предположить, что она вполне дотянет до ста лет. Но ш-ш-ш! Твоя тетя идет...

И вправду, появилась тетушка. Пока она разговаривала с миссис Уиверн, я, почувствовав себя более уверенно и по-домашнему, прошлась вдоль стен, разглядывая то одну вещь, то другую. На шкафу стояли красивые старинные фарфоровые фигурки, рядом висели картины... А в деревянной панели стены обнаружилась открытая дверца, и я увидела странный потрепанный кожаный пиджак с ремешками и пряжками. Его рукава длиной со столбик кровати свисали внутрь.

— Что ты там делаешь, дитя мое? — вдруг резко спросила тетя, поворачиваясь ко мне именно в тот момент, когда я меньше всего ожидала. — Что это у тебя в руке?

— Это, мэ? — переспросила я, поворачиваясь к ней с пиджаком в руках. — Я не знаю, что это, мэ.

На обычно бледных щеках тетушки появился румянец, а глаза гневно сверкнули. Думаю, если бы она стояла ближе, то ударила бы меня. Но она лишь прикрикнула так, что я вздрогнула, и вырвала эту вещицу у меня из рук.

— Пока ты остаешься в этом доме, не трогай чужие вещи и не лезь в дела, которые тебя не касаются, — отрезала она и повесила пиджак на вбитый в стену за дверцей гвоздь, после чего с грохотом захлопнула встроенный шкафчик и крепко заперла его.



Миссис Уиверн все это время всплескивала руками и тихо смеялась в своем кресле, слегка покачиваясь, — она всегда так делала, когда ей становилось смешно.

В глазах у меня стояли слезы, и миссис Уиверн подмигнула моей тете, вытирая собственные глаза, которые тоже были мокрыми, но от смеха:

— Ну, ребенок не хотел ничего плохого! Иди ко мне, дитя. Это всего лишь пара костылей для хромых уток. Не задавай нам вопросов, и мы не будем тебе лгать. Иди сюда, садись и выпей чашку чая, прежде чем пойдешь спать.

Моя комната, к слову, находилась наверху, рядом с комнатой старой леди, а кровать миссис Уиверн стояла в спальне хозяйки. Я должна была бросаться туда по первому зову, если понадобится.

Той ночью у старушки продолжался один из приступов недовольства, начавшийся еще днем. У нее часто бывали такие приступы. Порой она не позволяла слугам одевать себя, а иной раз наоборот — не давала снять с себя одежду. Говорили, что когда-то леди была очень красива, но в Эпплуэйле не осталось никого, кто помнил бы ее в расцвете сил. Вообще она обожала наряжаться. Ее туалетов из плотных шелков и упругого атласа, бархата и кружев хватило бы, чтобы открыть по меньшей мере семь магазинов. Все ее платья выглядели странными и старомодными, но стоили целое состояние.

Я пошла спать, но некоторое время лежала без сна: все для меня было в новинку. Да и чай, похоже, тоже плохо подействовал на мои нервы, ведь я к нему не привыкла, потому что пила его редко, разве что иногда по праздникам. А еще до меня доносился голос Мэг Уиверн, и я, приложив руку к уху, тщетно пыталась разобрать, что она говорит. При этом я совсем не слышала миссис Кроул — не думаю, что та сказала хоть слово.



О ней прекрасно заботились. Люди в Эпплуэйл-холле знали, что, когда хозяйка умрет, их всех уволят, но пока их несложная работа хорошо оплачивалась.

Два раза в неделю старую леди приходил навестить доктор, и можете быть уверены: слуги все делали так, как он велел. Никогда ничего не менялось: что бы ни происходило, они не должны были перечить хозяйке или раздражать ее и обязаны были потакать и угождать ей во всем.

Итак, старушка пролежала в одежде всю ту ночь и следующий день, не сказав ни слова. Я же весь день занималась шитьем в своей комнате, разве что один раз спускалась к обеду.

Мне хотелось увидеть старую леди и даже услышать ее голос. Но для меня она с таким же успехом могла находиться на Луне.

После обеда тетя отправила меня на часок прогуляться. Я ушла, но была рада поскорее вернуться: деревья выглядели такими большими, окрестности дома — такими темными и унылыми, а день — настолько пасмурным, что я, бродя в одиночестве, расплакалась, скучая по родному дому.

Некоторое время спустя, когда уже зажгли свечи, я сидела в своей комнате, а дверь в комнату мадам Кроул, где находилась моя тетя, оставалась открытой. Тогда я и услышала впервые то, что, полагаю, было речью старой леди.

До меня донесся странный, очень тихий звук, похожий на голос зверя — то ли мычание, то ли бляение.

Я наострила уши, пытаюсь понять хоть что-нибудь. Но мне не удалось разобрать ни единого слова, произнесенного хозяйкой. Тетя же ответила ей:

— Злой человек никому не может причинить вреда, мэм, если Господь не позволит.

Затем тот же странный голос, доносящийся с кровати, произнес еще что-то, столь же неразборчивое.

И моя тетя снова успокаивала:



— Пусть они корчат рожи, мэм, и говорят что хотят. Если Господь за нас, кто против нас?

Я продолжала прислушиваться, затаив дыхание, но из комнаты не доносилось больше ни звука. Минут через двадцать, сидя за столом и рассматривая картинки из «Басен Эзопа», я почувствовала какое-то движение у двери и, подняв глаза, увидела лицо моей тети, заглядывающей в дверь, и ее поднятую руку.

— Тише! — негромко предупредила она меня, после чего подошла ко мне на цыпочках и прошептала: — Слава богу, мадам наконец уснула. Не шуми тут без меня. Я спущусь вниз выпить чаю. Потом мы вернемся вместе с миссис Уиверн, и, пока госпожа будет спать в комнате, ты тоже сможешь сбежать вниз. Джудит подаст тебе ужин в мою комнату.

И с этими словами тетя ушла.

Продолжая листать книжку с картинками, я по-прежнему прислушивалась, но не слышала ни звука, ни вздоха. Потом начала шептать картинкам и разговаривать сама с собой, чтобы унять колотящееся сердце, потому что мне стало страшно в тишине этой большой комнаты.

Затем я встала и начала ходить по комнате, разглядывая предметы вокруг и пытаюсь отвлечься. И в конце концов не могла не заглянуть в спальню мадам Кроул.

Передо мной предстала просторная комната с высоким, до потолка, балдахинном из цветастой шелковой ткани, свисавшей до самого пола и полностью скрывавшей кровать. Еще там имелось зеркало — самое большое, какое я когда-либо видела. Вся комната была ярко освещена. Я насчитала двадцать две восковые свечи — все они горели. Таков каприз хозяйки, и никто не осмеливался ей перечить.

Я прислушалась, стоя в дверях и разинув рот от удивления. Не было слышно ни звука. Не увидев даже легкого шевеления в занавесках, я воспрянула духом, на цыпочках



вошла в комнату и снова огляделась. Затем взглянула на себя в большое зеркало, и тогда мне пришла в голову мысль: «Почему бы не посмотреть на самую старую леди в постели?».

Конечно, я вела себя как дурочка — но вы даже не можете себе представить, как я жаждала увидеть даму Кроул. Меня мучило ощущение, что если я не загляну под балдахин сейчас, мне, возможно, больше и не представится такого шанса.

Так что, мои дорогие, я подошла к кровати с задернутыми занавесками, и мое сердце почти остановилось. Но я набралась смелости и просунула между плотными занавесками палец, а затем и всю руку. Затем подождала немного, но все было тихо, как на кладбище. Тогда я медленно, очень медленно, раздвинула занавески. За ними, конечно же, оказалась сидевшая передо мной в расслабленной позе, словно та леди, что нарисована на гробнице в церкви Лексхо, знаменитая дама Кроул из Эпплуэйла. Собственной персоной, нарядно одетая! Зрелище совершенно невероятное! Атлас и шелк, алый и зеленый, золото и кружево! Это было потрясающе! А на макушке у старухи — большой напудренный парик высотой вполовину ее роста. И — ох, бывают ли вообще у людей такие морщины? — ее старая мешковатая шея, вся напудренная добела, и нарумяненные щеки, и брови из мышинной шкурки, которые обычно наклеивала ей миссис Уиверн... Мадам полулежала, величественная и строгая, в шелковых чулках со стрелками, в туфлях на каблуках, высоких, как кегли. О!

Но ее нос был тонким и кривым, а закатившиеся глаза полуоткрытыми, так, что виднелись белки. Полностью одетая, казалось, старуха сейчас встанет и, хихикая, начнет кривляться перед зеркалом с веером в руке и с цветами в корсаже. А на ее маленьких морщинистых руках, вытянутых по бокам... О, таких длинных и острых ногтей я



в жизни не видела! Неужели такая мода была во времена ее молодости?

Думаю, вы бы и сами испугались, если бы увидели нечто подобное. Я не могла ни отпустить занавеску, ни сдвинуться ни на дюйм и не сводила с удивительной дамы глаз — сердце мое замерло.

И тут она вдруг подняла веки, села, спустила ноги с кровати, стукнув высокими каблуками по полу, и повернулась ко мне, со злобной улыбкой глядя мне в лицо большими, словно стеклянными глазами. Ее старые морщинистые губы приоткрылись, обнажив длинные зубы.

Как ни страшны покойники, все-таки они вещь естественная. Но это... Это было самое ужасное, что я когда-либо видела. Сгорбленная старуха вытянула пальцы, указывая на меня.

— Ах ты, маленькая дрянь! — прошамкала она. — Зачем ты сказала, что я убила мальчика? Я буду щекотать тебя, пока ты не ооченеешь!

Если бы во мне оставалась в тот момент хоть капля разума, я развернулась бы и убежала. Но я не могла оторвать от странной дамы взгляда и только пятилась назад. А она следовала за мной, гремя, как кукла на веревочках, и непрерывно издавая языком звук, похожий на «Зизз... зизз... зизз...». Ее пальцы нацелились на мое горло, находясь уже всего в нескольких дюймах от меня.

Я отступала так быстро, как только могла, чувствуя, что сойду с ума, если она прикоснется ко мне. И двигалась, пока не уперлась спиной в угол комнаты.

И тогда я издала такой вопль, от которого душа расстанется с телом. В ту же минуту из-за двери громко закричала тетя, и старая леди обернулась к ней. Я отскочила в сторону и помчалась через свою комнату, а потом вниз по черной лестнице со всей скоростью, на которую были способны мои ноги.



Могу вам сказать, я рыдала от души, когда спустилась в комнату экономки. Миссис Уиверн же сперва очень смеялась, когда я рассказала о произошедшем. Но женщина сменила тон, когда услышала слова старой леди.

— Повтори их еще раз, — велела она.

Я повторила:

— «Ах ты, маленькая дрянь! Зачем ты сказала, что я убила мальчика? Я буду щекотать тебя, пока ты не оконечнеешь».

— А ты сказала ей, что она убила мальчика? — уточнила экономка.

— Нет, мэм, — ответила я.

После этого случая Джудит всегда приглядывала за мной, когда пожилая леди была рядом. Я скорее выскочила бы в окно, чем осталась наедине с хозяйкой.

Насколько помню, спустя примерно неделю миссис Уиверн, когда мы с ней оказались наедине, рассказала мне о мадам Кроул кое-что необычное.

Семьдесят лет назад молодая и очень красивая леди вышла замуж за сквайра Кроула из Эпплуэйла — вдовца, у которого был сын девяти лет.

И однажды утром мальчик исчез, буквально как сквозь землю провалился. Никто не знал, куда он пропал. За ним никто особо не следил: иногда с утра он уходил в домик сторожа и завтракал с ним, а потом шел в лес и не возвращался домой до вечера. В другой раз — спускался к озеру, купался там и проводил день за рыбной ловлей или катался на лодке. Так что никто не мог сказать, что с ним случилось — только его шляпу нашли у озера, под ивой, которая и по сей день растет там. Поэтому все думали, что он утонул, купаясь.

Отпрыск сквайра от второго брака — сын этой мадам Кроул — получил поместья в наследство. В то время, когда я приехала в Эпплуэйл, поместьями владел уже его сын, внук старой леди, сквайр Шевеникс Кроул.



До появления моей тети дом наполнился множеством слухов о происшествии. Поговаривали, что мачеха знает о пропавшем мальчике куда больше, чем рассказала. Но она имела власть над своим мужем, старым сквайром, пуская в ход ласку и лесть. И поскольку мальчика больше никто не видел, со временем память об этом событии канула в Лету.

Теперь же я поведаю вам о том, что видела собственными глазами.

Я пробыла там шесть месяцев, и зимой старая леди заболела в последний раз.

Доктор боялся, что с ней может случиться приступ безумия, подобный тому, что произошел пятнадцать лет назад, когда ее пришлось пеленать в смирительную рубашку — тот самый кожаный пиджак, который я обнаружила в стенном шкафу в комнате моей тети.

Но припадка у госпожи не случилось. Она тосковала и вздрагивала, и умирала, сильно мучаясь, однако достаточно тихо. И только за день или два до своего ухода старая леди начала буйствовать и метаться в постели — словно к ее горлу приставил нож грабитель. Она пыталась выбраться из кровати, но не имела сил, чтобы ходить или стоять, поэтому просто падала на пол, закрыв лицо старыми иссохшими руками, будто моля о пощаде.

Вы можете догадаться, что я не заходила в ее комнату в такие моменты. Обычно я дрожала в своей постели от страха, прислушиваясь к тому, как старуха ползает по полу и выкрикивает слова, от которых уши сворачиваются в трубочки.

И моя тетя, и миссис Уиверн, и Джудит Сквейлс, и женщина из Лексхо — кто-то из них всегда находился рядом с хозяйкой. В конце концов у нее начались припадки, которые ее страшно измотали.



Пастор тоже явился и молился за нее, но сама она уже не молилась. Я полагаю, толку от этого было мало, но остальные так не думали. И вот в конце концов она умерла, и все закончилось. Старую даму Кроул закутали в саван и положили в гроб. О ее смерти оповестили письмом сквайра Шевеникса. Но он находился в отъезде, во Франции, и не смог бы быстро приехать, поэтому священник и доктор согласились, что не стоит надолго оставлять покойную непогребенной. На похороны, кроме них двоих, нас с тетей и остальных служанок, никто больше не пришел.

Итак, старую леди из Эпплуэйл-холла поместили в склеп под церковью Лексхо, а мы после этого остались в большом доме, дожидаясь приезда сквайра. Он должен был рассчитать слуг, выплатив положенное им жалование.

После ее смерти меня переселили в другую комнату, через две двери от спальни госпожи Кроул. Это случилось в ночь перед тем, как сквайр Шевеникс приехал в Эпплуэйл.

Комната, в которой я теперь жила, представляла собой внушительных размеров помещение, обшитое деревянными панелями. Мебели в ней не было, за исключением кровати без занавесок, стула и стола, которые выглядели совсем крошечными в такой большой спальне. А еще там стояло огромное зеркало, в которое старая леди обычно заглядывала, любуясь собой с головы до пят — его принесли из хозяйкиной спальни, освобождая место.

В тот день пришло известие, что сквайр должен прийти на следующее утро в Эпплуэйл. Я не сожалела о произошедшем, потому что не сомневалась: меня обязательно отправят домой к матери. Мысли о доме, о моей сестре Джанет, о нашем котенке, о дворняжке Триммере и обо всем остальном наполняли меня такой радостью, что от волнения я не могла заснуть. И часы пробили двенадцать, а я все лежала, вперив взгляд широко открытых



глаз в стену, противоположную двери. В комнате царила полная темнота.

Не прошло и четверти часа, когда я увидела на стене перед собой свет, словно что-то позади меня загорелось. В этом световом пятне заплясали тени от кровати, и от стула, и от моего платья, которое висело на стене. Я быстро повернула голову к двери, думая, не начался ли пожар.

И клянусь, я увидела эту женщину! Она как две капли воды походила на нашу старую сумасшедшую хозяйку — мертвую, но разодетую в атлас и бархат, жеманную, с глазами, огромными, как блюдца, и лицом как у самого дьявола. Вокруг старухи сиял ореол красного света, точно ее платье было охвачено огнем. И она шла прямо на меня, скрючив старые сморщенные руки, как будто собиралась вцепиться в меня когтями. Я не могла пошевелиться, но она прошла мимо меня, обдав холодным воздухом, и остановилась у стены, в нише, которую моя тетьа называла альковом — раньше там стояла парадная кровать. В нише была открыта дверь, и руки старой леди начали что-то ощупывать возле нее. Мне и в голову не приходило, что там есть дверь.

Старуха повернулась ко мне, ухмыляясь, и внезапно в комнате стало темно, а я вжалась в дальний угол по ту сторону кровати — даже не знаю, как я там очутилась. Но теперь, наконец, я обрела дар речи и, заорав во все горло, помчалась вниз по лестнице, напугав миссис Уиверн до полусмерти, когда чуть не сорвала дверь с петель в ее спальне.

Вы, наверное, догадываетесь, что больше я в ту ночь не спала и что с первыми лучами солнца поспешила к тетушке так быстро, как только могли нести меня ноги.

Вопреки моим ожиданиям, тетьа не ругалась и не прерывала меня. Она сказала не бояться, взяла меня за руку и пристально смотрела мне в лицо, пока я рассказывала.

— У призрака был ключ в руке? — спросила она.



— Да, — ответила я, вспоминая, что и правда видела его, — большой ключ со странной медной ручкой.

— Подожди немного, — произнесла тетя, отпуская мою руку и открывая дверцу шкафа. — Вот такой ключ? — мрачно осведомилась она, вынимая один из ключей и показывая мне.

— Именно такой, — быстро подтвердила я.

— Ты уверена? — настойчиво допытывалась она, поворачивая ключ так и этак.

— Уверена, — кивнула я, чувствуя, что вот-вот упаду в обморок.

— Ну и хорошо, дитя, — проговорила тетя после некоторого раздумья и снова заперла шкаф. — Сквайр будет здесь сегодня, до двенадцати часов, и ты должна все ему рассказать. Я скоро уеду отсюда, и поэтому лучше всего сейчас поскорей отправить тебя домой — сегодня же днем. А когда смогу, я поищу для тебя другое место.

Можете не сомневаться — я была в восторге от этих слов.

Тетя собрала мои вещи и выдала три фунта, причитавшиеся мне за работу. В тот день в Эпплуэйл приехал сам сквайр Кроул, красивый мужчина лет тридцати. Я видела его уже второй раз, но заговорил он со мной впервые.

Тетя беседовала с ним в комнате экономки. Не знаю, о чем они толковали. Я немного боялась сквайра — ведь он был такой важный, солидный джентльмен, и я даже близко не подходила к нему, пока меня не позвали. Наконец он обратился ко мне, улыбаясь:

— Что за историю ты рассказываешь, дитя? Это наверняка просто сон, потому что — ты же знаешь! — на свете нет никаких привидений. Но что бы это ни было, малышка, сядь и поведай мне все от начала до конца.

Как только я закончила, он немного подумал и сказал тете:



— Я хорошо помню это место. Еще во времена старого сэра Оливера я узнал от хромого Уиндела, что в том углублении, слева, находится дверь — как раз там, где моя бабушка, приснившаяся девочке, открыла ее. Уинделу было за восемьдесят, когда он рассказал мне это, а я был всего лишь мальчишкой. С тех пор прошло двадцать лет. Давным-давно, еще до того, как в комнате с гобеленами сделали железный шкаф, в той нише хранилось столовое серебро и драгоценности. По его словам, у ключа была медная ручка. А вы говорите, этот ключ нашли на дне ящика, где бабушка держала свои старые веера. Теперь не удивлюсь, если мы найдем какие-нибудь ложки или бриллианты, забытые там. Ты можешь пойти туда с нами, малышка, и указать на то самое место?

Мне очень не хотелось туда идти. Мое сердце ушло в пятки, и я крепко держалась за руку тети, когда вошла в ту ужасную комнату. Я показала, откуда старая леди появилась и куда прошла мимо меня, и указала место, где она стояла и где, вероятно, открылась дверь.

Сейчас у стены в этом месте стоял шкаф. Когда его отодвинули в сторону, я, конечно же, увидела очертания двери в обшивке и замочную скважину, забитую кусочком дерева, обструганного так гладко, что оно сливалось с самой дверью. И дверь, и стена рядом с ней, и место их соединения — все было замазано темной шпаклевкой. Если бы не петли, которые немного выделялись, никто бы вообще не подумал, что там дверь.

— Ха! — воскликнул сквайр. — Похоже, это оно и есть.

Потребовалось несколько минут, чтобы с помощью небольшого долота и молотка вытащить кусок дерева из замочной скважины. Ключ действительно подошел; с жутковатым скрежетом он провернулся в скважине и отпер эту дверь.



Внутри находилась еще одна дверца, более странная, чем первая, но ее было хорошо видно, и она легко открылась. За ней обнаружилось узкое помещение с кирпичными стенами и сводом. Но мы не могли ничего разглядеть, потому что там оказалось темно как ночью.

Тетя зажгла свечу и передала ее сквайру. Он взял ее и вошел в каморку.

Тетя встала на цыпочки, пытаясь заглянуть ему через плечо, а мне совсем ничего не было видно.

— Ха-ха! — вдруг вскричал сквайр, отступая назад. — Что это? Дайте мне кочергу — быстро! — велел он моей тете.

И когда она отошла к очагу за кочергой, я выглянула из-за его руки и увидела в дальнем углу кого-то вроде обезьянки, сидящей на корточках, или маленького, сморщенного, словно бы высохшего человечка.

— Клянусь богом! — ахнула моя тетя, вложив кочергу в руку сквайра и заглянув в комнатку. — Не стоит этого делать, сэр. Отойдите и закройте за собой дверь!

Но вместо этого сквайр осторожно вошел с кочергой и ткнул ею в существо. Оно тут же опало кучей костей и пыли.

Это были кости ребенка, рассыпавшиеся в прах от одного прикосновения. Некоторое время все молчали, а потом сквайр перевернул череп, лежащий на полу.

Какой бы юной я ни была, все-таки поняла, о чем они с моей тетей думают.

— Дохлая кошка! — буркнул сквайр, отшатываясь назад, сдувая с себя пыль и закрывая дверь. — Мы с вами, миссис Шаттерс, потом сюда вернемся. Откроем ставни и заглянем на полки. И нужно будет обсудить с вами другие дела. А этой маленькой девочке пора ехать домой. Ей уже выдали жалованье, но я хочу сделать ей подарок, — добавил он, похлопывая меня по плечу.



И он дал мне целый фунт сверх выплаченного жалования. Примерно через час после этого я села в дилижанс, отправлявшийся в Лексхо. Мне страшно хотелось домой.

Больше я, слава богу, никогда не видела леди Кроул из Эпплуэйл-холла ни наяву, ни во сне, ни в виде призрака. Но когда я уже стала взрослой, к нам в Литтлхем как-то наведалься моя тетя. Тогда она и призналась мне, что в каморке, несомненно, находился бедный маленький мальчик, которого заперли, оставив умирать в темноте. Сумасшедшая ведьма замуровала ребенка в этом чулане, где его мольбы и стук никто не мог услышать. Шляпу его она оставила у воды, чтобы все решили, будто бедняга утонул.

Одежда при первом же прикосновении рассыпалась в пыль в каморке, где были найдены кости. Но зато обнаружили пригоршня гагатовых пуговиц и ножик с зеленой рукояткой, а еще пара монеток, которые, полагаю, находились у бедного мальчика в кармане, когда его заманили в смертельную ловушку. Среди бумаг сквайра попалась копия объявления, которое опубликовали после пропажи ребенка. Старый сквайр подумал, что сын мог сбежать или был похищен цыганами. В объявлении говорилось, что у мальчика с собой имелся ножик с зеленой ручкой и упоминались гагатовые пуговицы.

Это все, что я могу рассказать о леди Кроул из Эпплуэйл-холла.

Завещание сквайра Тоби



Странники, привыкшие путешествовать по старой дороге через Йорк и Лондон во времена почтовых дилижансов, наверняка помнят, как проезжали мимо гостиницы «Старый ангел», примерно в трех милях к югу от города Эпплбери. Помнят, как в полутора милях от нее из-за поворота появляется старинный особняк — ветхий и потрепанный непогодой. Широкие решетчатые окна мерцают в лучах вечернего солнца стеклами с алмазной гравировкой, рельефно выделяясь на фоне густых древних вязов.

Ко входу в особняк вела широкая аллея, ныне заросшая, словно сельское кладбище, травой и сорняками и обрамленная двойными рядами таких же темных деревьев, старых и огромных. Местами в их торжественных рядах зияют бреши от упавших собратьев, а саму аллею перегородаживают лежащие поперек поваленные стволы.

Глядя на эту мрачную и безжизненную дорогу с крыши лондонского дилижанса, как это часто делал я, вы бы поразились множеству признаков разорения и запустения. Пучки травы, пробивающейся в щелях ступеней и оконных проемов, бездымные трубы, над которыми кружат галки. Полное отсутствие человеческой жизни в любых ее проявлениях. Вы сразу заключили бы, что это место необитаемо, заброшено и постепенно приходит в упадок. Назывался этот старинный дом Гилингден-холл.



Высокие живые изгороди и могучие деревья быстро скрывают его из виду. А примерно через четверть мили экипаж проезжает мимо маленькой полуобвалившейся саксонской часовни. С незапамятных времен она служила местом захоронения семьи Марстон. Теперь часовне предстояло стать такими же руинами, в какие превращалось древнее здание по соседству.

Унылый вид Гилингден-холла прекрасно вписывается в меланхоличный пейзаж уединенной Гилингденской долины, похожей на заколдованный лес. Лес, полный непуганых ворон и бродячих оленей, выглядывающих из-за ветвей.

Коттедж уже десятки лет не видел ремонта. Крыша его кое-где провалилась, а швы между листами кровельного железа разошлись. На стороне дома, пострадавшей от ураганов, что проносятся по долине, как бурный поток воды по каналу, не осталось ни одного целого стекла. Ставни лишь частично защищали комнаты от дождя. Потолки и стены внутри покрылись плесенью и зелеными пятнами сырости. То тут, то там с потолка капает вода, гниют полы. В ненастные ночи, как рассказывал один сторож, звук хлопающих дверей и завывания рыдающего ветра в пустых галереях дома доносятся аж до старого Гристонского моста.

Семьдесят лет назад здесь умер старый сквайр Тоби Марстон, известный в этих краях своими великолепными породистыми псами, гостеприимством и бесчисленными пороками. Он делал порой добрые дела — и тут же дрался на дуэлях, щедро раздавал деньги — и жестоко избивал людей кнутом. Он заслужил несколько благословений и немало проклятий. А главное — оставил после себя такое количество долгов и закладных с поместья, что два его сына пришли в ужас: начисто лишенные деловой хватки, они никогда не подозревали, что этот злобный и посто-



янно сквернословящий старый джентльмен едва не довел поместье до банкротства.

Его сыновья встретились в Гилингден-холле. Там их ждало завещание, адвокаты для его оглашения и бесчисленные долги, которые покойный взвалил на своих отпрысков. Завещание оказалось составлено таким образом, чтобы немедленно посеять между двумя братьями смертельную ненависть.

Братья во многом отличались друг от друга, но одна, весьма существенная черта характера досталась им от отца: они никогда не ссорились наполовину и, однажды начав вражду, остановиться уже не могли.

Старший, Скруп Марстон, никогда не был любимцем старого сквайра. Не отличавшийся стройностью и уж тем более красотой, он не имел ни малейшей тяги к деревенской жизни. Все это возмущало старого сквайра и вызывало в нем презрение. Молодой человек тоже не испытывал к отцу никакого уважения и, став взрослым, утратил детский страх перед его суровостью и часто ему перечил. В результате неприязнь взбалмошного старика к сыну переросла в настоящую злобу. Он желал, чтобы этот чертов сопляк, этот горбатый негодяй Скруп убрался с дороги достойных людей. Под «достойными людьми» он подразумевал своего младшего сына Чарльза. При этом сквайр так ругал старшего, что даже друзья-собутельники, приезжавшие поохотиться и выпить портвейна, содрогались от этих проклятий.

Сутулость и правда была присуща Скрупу Марстону. Худое желтоватое лицо, пронзительные карие глаза и черные длинные волосы подчеркивали его уродство.

— Я не отец этому существу со спиной хряка! Я не отец ему, черт бы его побрал! Скорее уж я назову своим сыном эту кочергу! — кричал обычно старик, намекая на длинные тонкие конечности старшего отпрыска. — Вот Чарли — человек, а это — мартышка. В нем нет ни бла-



городства, ни ловкости, ни мужественности — ни одной черты Марстонов!

Будучи изрядно пьяным, старый сквайр нередко клялся, что Скруп никогда не будет «сидеть во главе этого стола и пугать людей из Гилингден-холла своей чертовой топорной физиономией!».

Красавчик Чарли, напротив, мог о себе позаботиться. Он прекрасно ладил с лошадьми и любил выпить, а все девушки буквально сохли по нему. Он был Марстоном до последнего дюйма своего шестифутового роста.

Впрочем, и младший сын с отцом однажды повздорили. Старый сквайр так же свободно обращался с хлыстом, как и со своим языком. А в тех случаях, когда применить оба оружия было практически невозможно, он, дабы приструнить «зарвавшегося парня», с легкостью раздавал тычки и подзатыльники. Красавчик Чарли, однако, считал, что настало время с физическими наказаниями покончить. Однажды на званом ужине, когда портвейн лился рекой, от Красавчика прозвучал намек на брак с Марион Хейворд, дочерью мельника, которого старый джентльмен недолюбливал. Будучи в изрядном подпитии и имея более ясные представления о кулачном бое, чем о самообладании, он, к удивлению всех присутствующих, влепил пощечину Красавчику Чарли. Юноша с гордым видом запрокинул голову и ничем не ответил отцу — разве что брошенным на пол графином. Но кровь старика вскипела, и он вскочил со стула. Чарли тоже вскочил, решив, что больше не станет терпеть бесчинство. Пьяный сквайр Лилборн, сделавший попытку разнять их, полетел плашмя на пол, порезав ухо осколками стаканов. Раскрытой ладонью Красавчик Чарли отбил удар своего отца и, схватив его за галстук, прижал к стене. Рассказывали, что лицо старика никогда не было таким багровым, а глаза — такими выпученными. Чарли же крепко держал его обеими руками.

Содержание



Призрак мадам Кроул	3
Завещание сквайра Тоби	22
Дьявол Дикон.	63
Ребенок, похищенный феями	76
Белая кошка Драмганниола.	88
Отчет о странных беспорядках на улице Аунгиер.	103
Истории о привидениях Чапелизода.	128
Деревенский Задира	131
Приключение могильщика	138
Любовники-призраки	147
Злой капитан Уолшоу из Уолинга	162
Глава I. Пег О'Нил оплачивает долги капитана.	162
Глава II. Священная свеча.	164
Глава III. Мой дядя Уотсон приезжает в Уолинг.	168
Глава IV. В гостиной.	170
Глава V. Спальня	172
Глава VI. Вызов принят.	174
Глава VII. Ужас достигает кульминации	176
Заключение	178



Сделка сэра Доминика. Легенда о Дюноране	180
Ультор де Лейси. Легенда о Капперкаллене	198
Глава I. Наследие якобитов	198
Глава II. Феи в замке	202
Глава III. Злоключения священника в долине	207
Глава IV. Свет в колокольной башне	211
Глава V. Человек с родимым пятном	213
Глава VI. Голоса	220
Глава VII. С любовью от Уны	225
Глава VIII. Сестра Агнес и портрет	229
Видение Тома Чаффа	231
Истории Лох-Гир	247
Граф-волшебник	252
Приключения Молли Риал	256
Банши	259
Сон гувернантки	261
Графский зал	264

Литературно-художественное издание



Джозеф Шеридан Ле Фаню

ПРИЗРАК МАДАМ КРОУЛ

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 80х100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.